

Узник и посланник

Туман здесь был повсюду. Он был странный, словно заколдованный. Похожие на цепи змейки тумана тянулись по земле к высокой каменной ограде и тяжелым чугунным воротам, где вырастали уже целой стеной тумана — он обвивал решетку ворот и льнул к холодным грубым камням ограды.

Туман светился мягким голубоватым светом, освещая мрачный черный замок, одиноко стоящий в пустынной местности в семи милях на северо-запад от Троллинбурга.

На фоне голубоватого свечения тумана замок казался зловещим приютом злых духов, что было не так уж далеко от истины.

В тот момент, когда полная луна скрылась за тучами, мимо одного из зарешеченных окон замка пронеслись со свистом две летучие мыши, потревожив дремлющего по ту сторону решетки человека.

Он находился в большой — около двух метров в ширину и трех в длину — клетке с деревянной кроватью внутри. Это был старик. Его бледное осунувшееся лицо казалось мертвенным. Но, разбуженный от полусна двумя нетопырями,

он резко открыл глаза и бросил быстрый напряженный взгляд в сторону единственного в этой комнате окна. Довольно долго он пристально вглядывался в просветы между толстыми железными прутьями, словно ждал чего-то.

И вот из его груди вырвался тихий хриплый смех. Глаза полыхнули безумным огнем, а пересохшие бескровные губы растянулись в довольной ухмылке.

— Наконец-то ты пришел, — прохрипел старик.

С минуту ему никто не отвечал, но старик в клетке ждал — и не напрасно. В тишине со стороны окна вдруг раздался низкий свистящий шепот:

— Мой хозяин выражает надежду, что послал меня не зря, узник.

Старик кивнул.

— Он убедится, что не напрасно откликнулся на мой зов. У меня есть сведения, которые обрадуют твоего хозяина, слуга.

— Достаточно ли ценны твои сведения, узник? — вновь раздался от окна свистящий шепот.

На лице старика заиграла зловещая улыбка.

— С тех пор, как я оказался здесь, моими единственными собеседниками были твои соплеменники, посланник.

— Мой род всегда проявлял искреннее расположение к таким колдунам, как ты, узник, — мягко заметил свистящий голос.

— Да, это так, — согласно кивнул старик. — Мы всегда были союзниками. И на этот раз наше сотрудничество может принести большую

выгоду всем нам. Так вот, я узнал от твоих соплеменников, что ваш хозяин очень хочет заполучить одну вещицу, в которой скрыто необычайное могущество. Мои сведения могут помочь ему в этом.

— Если то, что ты хочешь поведать, принесет пользу моему хозяину, ты будешь вознагражден, — прошелестел голос из темноты. — Хозяин не забывает тех, кто помогает ему.

Глаза старика потемнели, а лицо исказилось от гнева, когда из его бескровного рта вырвалось яростное шипение:

— Лучшей наградой мне будет возможность отомстить тем, на ком проклятие волшебного мира. Не все они исчезли. Еще есть кому понести наказание. Я хочу, чтобы месть настигла всех, до последнего. Я не успокоюсь, пока это не случится.

— Месть больше не занимает моего хозяина, — раздался свистящий голос от окна. — Она — прошлое. Мысли моего хозяина заняты теми делами, которые предстоят. Великими черными делами.

Старик несогласно покачал головой.

— Прошлое и будущее связаны, — произнес он. — Тот, кто знает тайны прошлого, — повелевает будущим. Но я не прошу твоего хозяина отомстить за меня. Я прошу лишь развязать мне руки — и я сделаю это сам.

— Насколько я могу доверять своим глазам, узник, — прошелестел голос от окна, — у тебя есть только одна рука. Ты уверен, что этого хватит для осуществления твоих планов?

Мутные глаза старика сузились и не добром заблестели. Его лицо исказилось от злобы, когда он бросил взгляд на правую руку, от которой была отсечена кисть.

— Бóльшая часть моей силы все еще со мной, — ответил он. — Они знают это. О, да! Они знают! Вот почему они заперли меня здесь! Все, что мне нужно, — это свобода. Подойди ближе, посланник, я сообщу тебе то, ради чего ты пришел.

На несколько мгновений стало тихо. Могло показаться, что таинственный гость ушел, когда наконец раздался тихий свистящий шепот:

— Хорошо.

В тот же миг от окна отделилась странная танцующая тень. Она пересекла темную комнату и остановилась возле клетки, где находился узник.

— Говори, — раздался повелительный шелест.

Старик очень низко наклонился, так что лицо его скрылось под космами засаленных, нечесанных волос, и тишину комнаты наполнил лихорадочный, зловещий шепот. Когда спустя несколько минут старик поднял голову, на лице его дрожала нервная но при этом полная нескрываемого ликования ухмылка.

— Я передам твои слова хозяину, — удовлетворенно произнес свистящий голос гостя. — Ты правильно сделал, что рассказал об этом. Вполне может статься, что твои новости окажутся достойными внимания моего господина. Уповай на это.

Старик негромко засмеялся.

— Я уверен, что твой хозяин по достоинству оценит мой скромный вклад в осуществление

его замыслов. — Его лицо мгновенно преобразилось, улыбка исчезла, а глаза загорелись жадным и нетерпеливым огнем. — Но получи ли я взамен то, что прошу?

— Если сказанное тобой — правда, тебя освободят, — прошелестел голос невидимого гостя. — А сейчас мне пора возвращаться.

Старик с тревогой посмотрел в темноту возле клетки, которая скрывала владельца свистящего голоса.

— Когда ты придешь снова? — взволнованно спросил он.

— Сейчас я больше ничего не могу тебе сказать, — был ответ. — Жди.

Тень возле клетки зашевелилась и бесшумно поползла обратно к окну. Старик смотрел ей вслед, наблюдая странные танцующие движения существа, которое почти сливалось с мраком, царящим в этом зловещем месте.

В этот момент луна вышла из-за туч и пролила яркий серебряный свет на замок, осветив появившегося в проеме одного из зарешеченных окон крупного черного паука с мохнатыми лапами и восьмью мутными темными глазами.

Паук пролез между толстыми прутьями решетки и, быстро перебирая лапами, пополз по стене черного замка вниз.

Когда он достиг земли, ему пришлось поспешно спрятаться за поросший мхом валун — в тишине ночи послышались чьи-то шаги. Не прошло и минуты, как сквозь голубоватый светящийся туман проступила фигура человека в черном плаще с покрытой капюшоном головой. Судя по длинной черной трости, которую

он нес, вытянув перед собой, это был охранник черного замка — тюрьмы, где обитали в заточении маги, преступившие законы Триумвирата.

Охранник делал ночной обход вокруг замка. Он шел медленно и очень осторожно, протягивая вперед свою трость. Туман расступался от нее далеко в стороны, и человек спокойно ступал по земле, даже полами одежды не касаясь стелящегося вокруг него голубоватого свечения.

Вдруг он остановился и ткнул тростью что-то, неподвижно лежащее на земле. Восемь глаз, наблюдающих за охранником, распознали в его находке маленький трупик полевки. Видимо, мышь была еще совсем молодой и глупой — иначе как бы ее угораздило оказаться в этом месте? Все живые существа на много миль вокруг остерегались приближаться к черному замку, потому что знали — красивый, светящийся голубоватым колдовским светом туман несет смерть.

Но пауку не страшен был этот смертоносный стражник — он знал, что его господин охраняет его даже на расстоянии. Слуга и сейчас как будто бы слышал голос своего хозяина, произносящий странную, загадочную фразу: «Спиритус умбра, доминус!», перед тем как отправить его на встречу с одноруким некромантом. Паук не понимал, что означают эти слова, ему было достаточно просто услышать холодный, свергающий в трепет голос своего господина, чтобы ощутить, каким древним могуществом тот обладает.

Переступив через полевку, охранник продолжил свой обход. Когда туман сомкнулся за спиной человека, скрыв его из виду, паук выполз из своего укрытия и, ни мгновения не мешкая, устремился прямо в туман. Пробираясь сквозь обступившее его холодное и влажное голубое свечение, паук слышал, как знакомый голос хозяина шепчет непонятные слова. Они были похожи на странное эхо и, казалось, шли прямо из-под земли, но смертоносный туман словно боялся этих слов. Он пятился, расступался перед пауком, пропуская его.

Наконец паук достиг высокой каменной стены. Пока он полз на верх стены, казалось, что шепот хозяина просачивается из холодных камней, и туман снова расступался.

Паук перелез через стену и, быстро перебирая лапами, поросшими жесткой густой щетиной, устремился вперед. Он бежал долго. Сначала вокруг не было ничего, кроме невысокой травы и влажной после недавнего дождя земли. Потом он пробирался сквозь густой темный лес. Спустя несколько часов лес расступился, сменившись тихой каменистой местностью. Тишина здесь была нездешняя — живая и осязаемая. Но она не пугала паука — слуга спешил к своему хозяину. Паучье чутье подсказывало, что его господин пребывает в нетерпении.

Камни: холодные, молчаливые — они лежали здесь повсюду. Это было место камней. Опасное место, жуткое место, никто не сунется сюда — хозяин не зря выбрал именно его, думал слуга,

легко находя дорогу к своему господину в лабиринте камней.

Впереди замаячил слабый оранжевый свет. Паук ускорил бег — он чувствовал, что господин зовет его в своих мыслях. Наконец он оказался в просторном помещении — как и все в этом месте, стены и пол здесь были из камня. На большой каменной плите, которая служила столом, горела одинокая свеча. Она освещала лишь небольшой участок каменной комнаты — тот, что был ближе к выходу. Остальное пространство помещения тонуло во мраке — на границе света и тьмы причудливо сплетались миллионы черных и оранжевых крупинок.

— Ты возвращался слишком долго, посланник, — раздался из темноты холодный, недовольный голос хозяина.

— Я принес тебе важные сведения, мой господин, — свистящим шепотом ответил паук.

— Подойди ко мне, — все так же холодно велел хозяин. — Расскажи мне все, что ты узнал.

Не желая рассердить хозяина, паук сорвался с места и, с необычайной скоростью передвигая восьмью лапами, устремился к нему. Мгновение — и тьма поглотила его. Вскоре послышался его быстрый шепот, похожий на шелест, словно кто-то листал старую книгу с сухими, рассыпающимися от времени листами. Какое-то время ничего не было слышно, кроме этого шепота. Минута, две, три — шепот словно слился с чужеродной тишиной этого места и теперь казался ее частью.

Но вот тишина упала, а шепот боязливо смолк, когда среди камней, помноженный на гулкое эхо, взорвался маниакальный, полный безумного веселья хохот. Тот, кого паук называл своим господином, смеялся так, словно услышанное показалось ему самой потрясающей, самой бесподобной шуткой в его жизни. От его ледяного безудержного хохота сотрясались стены и дрожал на каменной плите подсвечник с горящей свечой. Паук выбежал на свет, ближе к выходу, напуганный внезапным и необъяснимым ликованием своего господина.

Но смех оборвался так же резко и внезапно, как начался. Несколько секунд в комнате было тихо. Потом из темноты снова раздался холодный голос:

— Я должен был догадаться. Слишком многое указывало на это. Что ж, это можно использовать. Я позволю заблуждению укрепиться, и тогда то, что я жажду заполучить, окажется наконец в моих руках.

В темноте что-то задвигалось, и вскоре возле самой границы между светом и тьмой появились неясные очертания фигуры, похожей на человеческую.

— Ты выполнил свою задачу, посланник, — произнес из сумрака голос, который исходил от этой фигуры. — Тебе больше не понадобится то, что я дал тебе.

Паук возле каменной плиты в страхе съежился, когда голос повелительно воскликнул:

— Спиритус умбра, редукцио!

Тень, падающая от паучьего тела на каменный пол, дрогнула и потянулась к темноте, прильнула к ней и слилась в единое целое, потом разорвалась там, где свет лишь едва освещал пол, и разделилась на две похожие тени.

В тот же миг паук бросился прочь из комнаты, а на стене, освещенной светом свечи, промелькнула гигантская танцующая тень.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дом в Плутихе

Из окна открывался вид на сосновый бор. Сквозь кроны столетних сосен просвечивали солнечные лучи. Там, за бором, как было известно Миле, бежала мелководная речка. А по другую сторону реки вырастали горы. Вершины горных хребтов купались в солнечном мареве и казались призрачным миражом, зависшим над бором.

Мила улыбнулась, слегка щурясь от яркого света. Пяти минут у окна хватило, чтобы понять — ей здесь нравится. Она представила себе, как по утрам будет вдыхать запах хвои, а зимой любоваться заснеженными вершинами гор. Разве может быть лучший вид из окна, чем горы? Мила усмехнулась сама себе и мысленно ответила: только вид на троллинбургские тополя. Но здесь, в Плутихе, не росли тополя. Зато здесь были сосны и открывался вид на горы — тоже здорово.

Мила приехала в мир По-Ту-Сторону вместе с Акулиной накануне утром. Они остановились в «Перевернутой ступе» — небольшой, но уютной гостинице в Каштановом переулке. Прожив два года во флигеле, пристроенном к южному

крылу Думгрота, Акулина решила, что пора обзавестись в Таврике собственным жильем. Вечера вечером она объявила Миле, что поутру они отправляются в Плутиху — деревню в восьми верстах от Троллинбурга, — чтобы посмотреть выставленные на продажу дома.

Дом, в котором окно одной из комнат второго этажа выходило на сосновый бор, был вторым из тех, что Мила с Акулиной сегодня смотрели.

Первый им совсем не понравился. Стоял он особняком, в отдалении от других домов, почти вплотную к лесу. Черепица на крыше местами осыпалась, входная дверь повисла на одной петле и не закрывалась. Но не это вызывало стойкое чувство неприятия этого жилища. В чем было дело, Мила поняла только тогда, когда оказалась внутри. Стоя посреди дома и осматриваясь, она чувствовала себя почему-то очень незащищенной, словно не было ни стен, ни крыши, и близость леса ощущалась как-то особенно сильно. Акулина, в отличие от Милы, дальше порога не пошла.

— Мертвый дом, — мрачно заявила она. — Здесь уже очень давно нет домового.

— И что это значит? — с интересом спросила Мила.

Акулина настороженно покосилась в сторону ближайшего окна, сквозь которое был виден густой, темный лес без единого проблеска света, и ответила:

— Ничего хорошего. На другом краю деревни выставлено на продажу еще одно жилье. Давай лучше посмотрим его.

Так они оказались здесь. Переступив порог этого дома, Акулина просияла.

— Домовой есть? — предположила Мила.

Акулина с улыбкой кивнула.

— Да, дом дышит. Здесь очень хороший домовой, и он знает свое дело. Это же сразу чувствуется!

Мила только пожала плечами. Она не умела, как Акулина, определять, есть ли в доме домовый или нет, но все же здесь она чувствовала себя намного уютнее. А когда поднялась на второй этаж и увидела в окно сосновый бор, залитый солнцем, сразу влюбилась в этот дом.

Вдоволь налюбовавшись видом из окна, Мила решила, что пора спуститься вниз и найти Акулину. По пути Мила думала о Шалопае. Ее драконий щенок, в прошлом году подаренный ей Орионом на Рождество, с первой минуты их приезда в Плутиху скучал и все время норовил улизнуть на прогулку по деревне. В конце концов ему это удалось. Обнаружив, что Шалопая нет рядом, Мила мысленно обозвала своего питомца непослушной моськой, но беспокоиться о том, что ее щенок потеряется, не стала: драконовые псы умели находить своих хозяев, где бы те ни были, — такова была одна из волшебных особенностей этих существ.

Еще с лестницы Мила увидела свою опекуншу и в очередной раз про себя улыбнулась ее манере одеваться.

На Акулине были светло-голубые джинсы с искусственно созданными прорезями на коленях и свисающей по краям ткани бахромой, а также ярко-зеленая обтягивающая футболка

с изображением неприветливого тролля спереди и надписью «Trollinburg forever» сзади.

В начале августа в город приезжали делегации из разных стран на Всемирный Слет Магов и Чародеев, быть хозяевами которого в этот раз выпало Троллинбургу. По случаю для иностранцев наделали сувениров, а Акулина просто не смогла пройти мимо лоточника, торгующего на Главной площади футболками. Футболки с надписями были ее слабостью.

Впрочем, надпись имелась не только на футболке. На джинсах сзади было вышито ярко-синими нитками: «Наступишь кошке на хвост — познакомишься с ее когтями!» Мила пыталась представить, что будет, если Акулина надумает заявиться в этих джинсах на урок зельеварения. Класс просто дружно ляжет под парты.

Заметив на лестнице Милу, Акулина окинула взглядом помещение и спросила:

— Ну как, тебе нравится этот дом? — С упертыми в бока руками она выглядела очень деловито.

Мила уже собиралась было ответить, но не успела — в этот самый момент в дом вошел незнакомый Миле господин: худощавый, средних лет, одетый просто, если не сказать бедно. На нем были затертые темные брюки и полинялая, некогда, похоже, темно-зеленая рубашка — такую одежду носили во Внешнем мире, хотя и здесь, в Троллинбурге или Плутихе, можно было встретить людей, одетых подобным образом, но мало кто из них при этом выглядел

столь же плачевно. У мужчины было осунувшееся лицо и усталый вид, меж бровей залегли две глубокие складки, а уголки губ были опущены вниз, как будто он давно позабыл, что значит радоваться.

Сделав не больше трех шагов, мужчина буквально застыл на месте, уставившись на стоящую к нему спиной Акулину. Его лицо удивленно вытянулось, а на губах заиграла сдержанная улыбка. Надписи на спине Акулины и чуть ниже талии, видимо, произвели на него неизгладимое впечатление.

От улыбки, затронувшей только уголки рта, лицо незнакомца сразу сделалось симпатичным, и Мила заметила, что он моложе, чем ей показалось сначала.

— Мила, ну так как насчет дома? Нравится? — вновь спросила Акулина.

Глядя то на вошедшего господина, то на свою опекуницу, Мила растерялась, не зная, что отвечать, поэтому еехватило только на невразумительное мычание.

— Э-э-э... Ну-у-у...

Мужчина негромко кашлянул, видимо пытается таким образом заявить о своем присутствии. Акулина, моментально оторвавшись от осмотра дома, обернулась.

— О, — озадаченно выдала она, неприветливо изучая вошедшего. Окинув господина придирчивым взглядом с головы до ног, Акулина спросила: — Вы тоже покупатель?

Мужчина бросил быстрый взгляд на Милу и доброжелательно улыбнулся Акулине.

— Я думаю, это будет зависеть от вашего решения, — ответил он. — Если вам нравится этот дом, то я не стану на него претендовать. На другом конце деревни еще один дом выставлен на продажу.

— Мы его смотрели, — кивнула Акулина. — Он очень неудобный.

Мужчина только развел руками.

— Ну что ж, в таком случае я сразу отправлюсь туда. Насколько мне известно, на данный момент в Плутихе продаются только эти два дома. Будет справедливо, если тот, что лучше, достанется вам.

Акулина удивленно округлила глаза, видимо никак не ожидая такой галантности от человека, имевшего столь непрезентабельный вид. Немного смутившись, она улыбнулась.

— Это очень любезно с вашей стороны, господин... Простите, не знаю вашего имени.

Мужчина с кивком головы представился:

— Гурий Безродный.

Акулина широко распахнула глаза от удивления.

— Профессор Безродный?! — воскликнула она, а Мила при слове «профессор» посмотрела на господина повнимательнее.

— Да, вы не ошиблись, — кивнул Гурий Безродный. — Я получил должность в Думгроте после увольнения профессора Тихомира.

— Должность преподавателя боевой магии, — продемонстрировав осведомленность, кивнула Акулина.

— Искусства боевой магии, — машинально поправил профессор.

«Боевая магия» заинтересовала Милу еще сильнее, чем новость о том, что в этом году в Думгроте появится новый учитель.

— Ах, да! — воскликнула Акулина и с многозначительной улыбкой добавила: — Конечно, я слышала. Владыка принял решение ввести в учебную программу искусство боевой магии вместо теории боевой магии, которую раньше преподавал профессор Тихомир. С теорией старый профессор справлялся блестяще, а вот практическая боевая магия в его почтенном возрасте слишком опасна для здоровья.

— Насколько мне известно, профессор Тихомир давно хотел оставить преподавание и больше времени посвятить отдыху и увлечениям. В конце концов, в этом году ему исполнилось ни много ни мало двести девяносто девять лет, — Гурий Безродный немного хмурился, словно по какой-то причине почувствовал себя неловко. — Я ни в коем случае не принял бы предложение Владыки, если бы из-за меня профессор Тихомир был вынужден оставить должность, с которой ему не хотелось уходить.

— Ой, ну что вы! — искренне удивилась Акулина. — Я ничего такого не имела в виду! — поспешно улыбнувшись, чтобы, как показалось Миле, сгладить возникшую неловкость, Акулина дружелюбно добавила: — Я как раз хотела сказать, что очень рада вашему назначению. Я слышала, что в боевой магии вам мало равных.

— Слухи сильно преувеличены, — заметил Гурий Безродный; он с улыбкой смотрел на Акулину и больше не хмурился.

— Ох, не скромничайте, — с присущей ей непосредственностью заявила Акулина. — Если Владыка пригласил вас занять эту должность, то, значит, слухи вполне правдивы. В любом случае я очень рада тому, что мы с вами станем коллегами.

— Коллегами? — удивленно приподнял брови Гурий Безродный. — Простите, но, кажется, я допустил оплошность, не узнав вашего имени.

Акулина охотно протянула руку.

— Акулина Варивода — профессор зельеварения в Думгроте.

Гурий Безродный подошел к Акулине и пожал протянутую руку.

— Рад познакомиться. Видимо, раз уж Владыка пригласил вас в свое время на эту должность, то мало кто может сравниться с вами в искусстве зельеварения, — дружелюбно улыбаясь, вернул Акулине комплимент Гурий Безродный.

Акулина зарделась. Заметив это, Гурий Безродный тоже почему-то смутился. Мила озадаченно пялилась на них обоих, обратив внимание, что их рукопожатие как-то затянулось. В конце концов ей показалось, что о ней совсем забыли, и, чтобы напомнить о себе, Мила тихо кашлянула.

Акулина и Гурий Безродный тут же отдернули руки и оба повернулись к Миле.

— А! — словно опомнившись, поспешно воскликнула Акулина и представила: — Мила — моя воспитанница и ваша будущая ученица, профессор.

— Вы не будете возражать, если я попрошу вас называть меня по имени? — нерешительно попросил Гурий Безродный.

Акулина почему-то снова покрылась румянцем.

— Конечно, нет. Вы правы... Гурий. Так гораздо проще, а официальные обращения можно оставить для Думгрота, — она с улыбкой подняла глаза на Гурия Безродного. — Тогда и вы называйте меня по имени — просто Акулина.

— Договорились, — кивнул будущий учитель Милы. — Мы ведь с вами, Акулина, насколько я понимаю, будем не только коллегами, но и соседями.

— Значит, вы уже окончательно решили купить тот, другой, дом?

— Пожалуй, да. По некоторым причинам я не могу поселиться в Троллинбурге. — Судя по выражению лица Гурия Безродного, он явно испытывал неловкость, говоря на эту тему. — Впрочем, Плутиха — замечательное место: тихое, спокойное. Да и... если откровенно, я по натуре отшельник и предпочитаю тишину городской суете, несмотря на всю мою любовь к Троллинбургу.

Миле показалось, она догадывается, о каких причинах говорил Гурий Безродный. Судя по его виду, он вряд ли смог бы себе позволить пристойное жилье в Троллинбурге. Решив купить дом в Плутихе, Акулина руководствовалась теми же соображениями: жилье в поселке стоило значительно дешевле.

Еще Мила заметила, что о ней, кажется, опять забыли. В этот раз она решила не привлекать к себе внимание. Смирившись с тем, что ее присутствия не замечают, Мила тяжело вздохнула. Получилось у нее это, по-видимому, чересчур громко, потому что профессор в тот же миг повернулся к ней. Это было так неожиданно, что Мила растерянно заморгала. Профессор же, напротив, — дружелюбно ей улыбнулся.

— Я очень рад познакомиться с тобой, Мила, — сказал он. — Когда начнутся занятия, мне приятно будет видеть среди учеников знакомое лицо.

Мила в ответ несмело улыбнулась и растерянно пожала плечами.

— А на каком факультете ты учишься? — спросил профессор, но не успела Мила открыть рот, как он жестом остановил ее: — Постой, попробую угадать, — он внимательным взглядом смотрел на Милу не больше пяти секунд и наконец заявил: — Мне кажется, это должен быть Львиный зев. Я прав?

Мила ошеломленно кивнула, непроизвольно поморщившись, словно ее принадлежность к Львиному зеву могла быть отмечена у нее на лбу.

— А как вы догадались? — удивленно спросила она.

Он неопределенно качнул головой и словно бы рассеянно ответил:

— Ну... я подумал... с твоим цветом волос... было бы совсем не удивительно учиться в Львином зеве.

Мила озадаченно хмыкнула — нечто подобное без конца повторял ей Коротышка Барбарис, полагая, что ее рыжая копна волос — признак характера и залог бесчисленного количества неприятностей.

— Не буду вас отвлекать от дальнейшего осмотра дома, — сказал Гурий Безродный, вновь обращаясь к Акулине. — А сам отправлюсь смотреть свое будущее жилье, — и с улыбкой добавил: — Очень рад был познакомиться с вами. Надеюсь, что мы действительно станем соседями. Всего доброго.

— И вам, — отозвалась Акулина.

Их новый знакомый был уже у двери, когда Акулина окликнула его:

— Э-э-э... Гурий!

Он обернулся. Мила заметила, что ее опекунша ведет себя странно, словно испытывает неловкость.

— Да?

— Мне... так неудобно, — виновато глядя на Гурия Безродного, произнесла Акулина. — Мы практически вынудили вас отступить от этого дома...

— Не помню, чтобы вы меня вынуждали, — мягко возразил тот. — К тому же уверен, тот, другой, дом мне вполне подойдет.

— Тот дом нехороший, — нахмурилась Акулина.

Гурий Безродный улыбнулся.

— Это ничего. Мне приходилось жить в разных местах — я привык к неудобствам.

Акулина нахмурилась еще сильнее.